

Алексей КОВАЛЕВСКИЙ,
поэт, критик, редактор,
лауреат литературных премий
(г. Харьков)

«ТВОЙ НЕСДАВШИЙСЯ ВОИН»
(О книге С. Шелкового «На кордоне»)

Давно люблю и очень высоко ценю поэзию Сергея Шелкового. В его стихах есть та духовная цельность, которая ведет свою родословную от Баратынского и Тютчева, Сковороды и Шевченко, Бориса Чичибабина и Лины Костенко. Не знаю, удалось ли понять меня достаточно внятно на последнем писательском съезде распространителям анкеты, в которой бы вопрос: «Кого из современных поэтов вы наиболее цените?»

На вопрос этот я ответил, может быть, неожиданно для кого-то из коллег-писателей, назвав всего два имени в ныне здравствующей поэтической Украине: Лина Костенко и Сергей Шелковый.

Причём, в поэте С. Шелковом, думается мне, гораздо меньше, чем в Лине, духа «отрицания и сомнения», а интонация даже самых нелегких и тревожных его строк — это, по преимуществу, интонация преодоления и созидания. В его поэзии ощутим голос души мужественной и несдающей, не теряющей при любых внешних затемнениях опоры на собственное световое ценностное ядро.

«Данник вещности», С. Шелковый — певец и живописатель жизнестроительства, идет ли речь в его стихах о послевоенном Харькове с «искорёженным ломом арматуры» или о «строе патриаршьем седых тополей» над обмелевшей Луганью, или о ласточке, иссиня-черной молнией черкающей небо над жёлтой рекой Ян-Цзы, но помнящей о своем теплом, лепном гнезде на далёкой родине...

О чём бы ни писал С. Шелковый, какие бы трагические пласты жизни он ни поднимал в стихе, лад его мирочувствования и миропонимания — духовно сияющ, внутренне непобедим, исполнен не декларации, но исконной генетики оптимизма. Даже если, повторяю, он пишет о вещах почти безысходных, которые его пронзительно зрячее и бескомпромиссное сердце не может не видеть в реалиях сегодняшней жизни:

*Все, кто мог, умно сделали ноги.
В Хайфе — море и жизнь неплоха.
Зазеркальны Европы дороги,
Но твержу на щербатом пороге:
«Суций грех мне — бежать от греха».*

Действительно, это поэт острого ощущения такого уже полузабытого, кажется, ныне понятия, как родина — отеческая земля, та единственная и бесценная данность, которую назначено нам передать в наследство детям и внукам... По силе сыновней любви к родине для меня поэт С. Шелковый сравним разве что с прозаиком И. Масловым, тоже, кстати, харьковчанином и тоже не в полной мере ещё оценённым читателями, критикой, литературоведами. Какой-то, мол, отголосок российской деревенской прозы, а та уже почти канула в Лету... Но этому «отголоску» вровень, может, только В. Распутин, а дальше духовсветная, небосыновья жажда правды-истины идёт на спад и теряется в убывающих современных писательских величинах...

Поневоле начинаешь думать о том, что недостаток известности у подлинно совестливых поэтов и прозаиков сейчас является следствием именно этой совестливости. Это «устаревшее» качество явно не востребовано теми, в чьих руках находятся ныне почти все информационные мощности. Теми, кто к совестливости относится настороженно, зато охотно поощряет пустопорожнюю «голливудскую» развлекуху и чернуху, обездушенное пьяно-наркотическое изживание корневых бытийных основ.

Тенденция проталкивания бесщётных дешёвых шоу и других незамысловатых форм поп-обслуживания, попытка раз и навсегда покончить с праведно-пророческим предназначением писательского слова — тоже чёрная мета наших дней...

«Поэт в России больше, чем поэт...» — писал когда-то Е. Евтушенко, однако, помня о его изумляющей способности «соответствовать» самым разнообразным духовно-культурным и общественным перестройкам, вполне логично предположить, что и ему теперь литература видится всего лишь на «подобающем ей» месте, о котором так много и охотно говорят на благословенном Западе.

Книга С. Шелкового с твёрдым названием «На кордоне», вышедшая в прошлом году, вскоре вслед за сборником «Вечеря», удостоенным в том же году всеукраинской премии им. Н. Ушакова, свидетельствует и о зорко-скорбном видении поэтом сегодня

нышних тревожных коллизий, и о его способности противостоять анти- и псевдочеловечности, противостоять с мужеством и достоинством. В книге — точные и неподдельные слова о жизни поэта, его лирического героя, жизни совестливой, нравственно стойкой, несдающейся личности.

И личность эта волей истории поставлена именно на самом кордоне, на порубежье истинных и ложных ценностей, которые схлестнулись ныне в апокалиптическом преддверии, предожидании «глобализованного» будущего в целом мире, но в России и Украине, кажется, схлестнулись с особой остротой, поскольку душа человеческая сидит в них ещё крепко и не хочет никуда уходить, как ни понукают, ни гонят, ни пытаются её истемнить или уничтожить.

*Остаюсь. Среди стервятников важных,
На юру и на горьковском дне,
Помолюсь о младенцах домашних,
Об электроцентралях и пашнях
И о том, что не сдохло во мне...
Претерплю, — Исаак или овен, —
твой тринадцатый лживый рассказ.
Вертоград! Ты бездетностью болен...
Что, коль я — твой несдавшийся воин?
Твой неспившийся праведник аз?*

День ото дня всё теснее выбранные поэтом врата. Нелегко праведнику произносить сегодня свои нелукавые огненные глаголы в мире, который настойчиво подталкивают к последнему, но, конечно же, не окончательному, — и герой С. Шелкового в это непоколебимо верит, — кордону. Подталкивают к воцарению начал, отрицающих дух, небесную и земную гармонию, начал, отвергающих жизнестроительство по замыслу Творца, который, по слову Ф. Ницше, умер.

Тех самых губительных начал, при которых общество всё дальше, по слову уже С. Шелкового, повергается в состояние «меж злом и полным злом». Это состояние поэт определяет как исторически закономерный, но всё же не фатальный, а искупающий момент воздаяния. И даже в самой нижней точке этого социального провала, этой потенциальной ямы эпохи жутковато знакомых перемен, видится поэту сине-небесная, жизневозрождающая перспектива. Если и не озвучено это видение в прямой речи, — чаще всего осознанно, из-за неприятия лобовой декларации, — то во

всей ауре стиха оно присутствует всякий раз неизменно. Нет, Бог не умер, но Он

*...как минимум, устал.
Устал не менее, чем люди.
Ведь фарисеи правят бал,
Мусолит ростовщик кристалл,
И нет раскаянья в Иуде.*

Противостояние канонам фарисейства у поэта С. Шелкового — глубоко и переносится даже в сферу исходных составляющих поэтики. Отсюда кольчужно звенящая фоника, мерно-уверенная ритмика, ковanno-булатная строфика. Здесь всё напряжено, всё снаряжено к сраженью и, где необходимо, в сражение вступает без промедлений — и не затем, чтобы покрасоваться перед публикой на поэтических турнирах, поиграть в слово, окликнув его ассоциативные пространства, и на том исчерпать свою художественную сверхзадачу... Нет, автор книги «На кордоне» подобным облегчённым экзерсисам, которых сейчас в поэзии пруд пруди, противостоит принципиально и осознанно.

Сергей Шелковый не позволяет себе ни мировоззренческой, ни стихослагательной аморфности, он выходит на поединок не для развлечения жаждущих зрелищ, но по причине намного более серьёзной — сродни той которая заставляла Пересвета и Ослябю, отложив монашеские смиренно-деяния, идти в доспехах воина туда, где решалось: быть или не быть их отечеству.

«На кордоне» — мощная и выразительная книга о борении души нашего современника, о неучтожимости нашего духа. Это мужественная книга о вере в наш путь и судьбу, которая противостоит цинизму и бездуховности, Мамонне и Молоху — до тех пор, пока жив хотя бы один «несдавшийся воин».

Мною затронут здесь лишь один из ракурсов восприятия и понимания «идеологии текстов» Сергея Шелкового, но как раз на нём я счел необходимым остановиться, ибо он, этот ракурс, и является сегодня, на мой взгляд, наиболее духовно и общественно актуальным.

2002 г.